

УДК 821.161.1

doi.org/10.36906/2500-1795/24-2/08

Спешилова В.П.

**ФОРМЫ И ПРИЁМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ГЕРОЕВ
В СБОРНИКЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ВОСЬМЕРКА»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ «ВОСЬМЁРКА» И «ДОПРОС»)**

Аннотация. За последние два десятилетия Захар Прилепин стал одной из самых заметных фигур среди современных отечественных прозаиков. Обращение к прозе Захара Прилепина как к литературному и социокультурному феномену имеет большую значимость в современном литературоведении ввиду ее малоизученности.

В основу сборника повестей Захара Прилепина «Восьмёрка» (2013) легли ситуации, когда человек оказывается наедине с собою и проблемами, существующими в обществе. Главные герои произведений Прилепина часто чувствуют себя потерянными в окружающем мире, который кажется им жестоким и несправедливым. Они переживают глубокий духовный кризис, пытаясь найти свое место в беспощадной и непонятной действительности.

В данной статье мы рассмотрели приемы и средства психологического изображения в повестях Захара Прилепина «Восьмёрка» и «Допрос» как характерные в целом для сборника «Восьмерка». В результате доказан высокий процент употребления автором таких форм психологизма, как прямая (44%) и косвенная (56%), и таких приемов и средств психологического изображения, как психологический анализ, внутренний монолог с элементами самоанализа, психологический портрет, «говорящие фамилии», специфические приемы психологического изображения (сны, бредовое состояние (полубред)), психологический самоанализ (даны в порядке убывания частотности применения). Обозначенные формы, средства и приемы психологического изображения, которые используются в повестях Захара Прилепина, убеждают в том, что его художественному миру свойствен специфический, но вполне явный психологизм.

Ключевые слова: Прилепин; повести; психологизм; психологический анализ; внутренний монолог; психологический портрет; специфические приемы психологического изображения.

Сведения об авторе: Спешилова Виктория Павловна, аспирант кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартковского государственного университета; ORCID 0009-0001-3288-4475.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; тел. 8(3466)273510; e-mail: viksik-14@mail.ru.

V.P. Speshilova

**FORMS AND TECHNIQUES OF PSYCHOLOGICAL REPRESENTATION OF
CHARACTERS IN THE COLLECTION OF ZAKHAR PRILEPIN “THE EIGHT”
(BASED ON THE STORIES “THE EIGHT” AND “INTERROGATION”)**

Abstract. Over the past two decades, Zakhar Prilepin has become one of the most prominent figures among contemporary Russian prose writers. The appeal to Zakhar Prilepin's prose as a literary and socio-cultural phenomenon is of great importance in contemporary literary criticism due to its under-exploration.

The basis of Zakhar Prilepin's collection of stories “The Eight” (2013) is situations when a person finds himself alone with himself and the problems that exist in society. The main characters of Prilepin's works often feel lost in the world around them, which seems cruel and unfair to them. They experience a deep spiritual crisis, trying to find their place in a merciless and incomprehensible reality.

In this article, we examined the techniques and means of psychological depiction in Zakhar Prilepin's stories “The Eight” and “Interrogation” as characteristic of the collection “The Eight” as a whole. As a result, a high percentage of the author's use of such forms of psychologism as direct (44%) and indirect (56%), and such techniques and means of psychological depiction as psychological analysis, internal monologue with elements of self-analysis, psychological portrait, “talking names”, specific techniques of psychological depiction (dreams, delirious state (semi-delusion)), psychological self-analysis (given in order of decreasing frequency of use) has been proven. The designated forms, means and techniques of psychological depiction, which are used in the stories of Zakhar Prilepin, convince us that his artistic world is characterized by a specific, but quite obvious psychologism.

Keywords: Prilepin; stories; psychologism; psychological analysis; internal monologue; psychological portrait; specific techniques of psychological portrayal.

About the author: Speshilova Victoria Pavlovna, postgraduate student of the Department of Philology, Lingvodidactics and Translation of Nizhnevartovsk State University; ORCID 0009-0001-3288-4475.

Contact information: 628609, Nizhnevartovsk, Mira St., bldg. 3b, room 305; tel. 8(3466)273510; e-mail: viksik-14@mail.ru.

Спешилова В.П. Формы и приёмы психологического изображения героев в сборнике Захара Прилепина «Восьмерка» (на материале повестей «Восьмёрка» и «Допрос») // Нижневартровский филологический вестник. 2024. №2. С. 98-108.
<https://doi.org/10.36906/2500-1795/24-2/08>

Speshilova, V.P. (2024). Forms and Techniques of Psychological Representation of Characters in the Collection of Zakhar Prilepin "The Eight" (Based on the Stories "The Eight" and "Interrogation"). *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 98-108. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/24-2/08>

Произведения Захара Прилепина отражают насущные проблемы, с которыми сталкивается современное общество. Автор не боится затрагивать сложные социальные проблемы и показывает, как эти проблемы влияют на жизнь и судьбы героев его произведений (Рылова 2018: 6).

Литературный тип (тип героя) – совокупность персонажей, близких по своему социальному положению или роду занятий, мировоззрению или духовному облику (Култышева, Спешилова 2020: 33). Одним из ключевых образов (типов) в новом реализме, благодаря Захару Прилепину, стал персонаж простого парня как часть национальной культуры (Петров 2016: 45). Герой Прилепина – это молодой человек, который погружается в конкретную ситуацию, переживая ее до конца, и при этом остается верен себе, не прибегая к низким поступкам (Ротай 2013: 16).

Захар Прилепин не выделяет «любимых» героев, они для него все равны, каждый со своими переживаниями и внутренними ранами, возникшими ввиду изменений в обществе (Янковская 2018: 210). Герои повестей «Восьмерка» и «Допрос», вошедших в названный сборник, принадлежат к поколению, чья юность пришлась на конец 1980-х и 1990-е годы, период, когда традиционные ценности казались разрушающимися, а новые моральные ориентиры не обретались. Это эпоха духовного кризиса, когда устоявшиеся образцы жизни рушились, а людям приходилось искать новые пути, чтобы преодолеть испытания, при этом важно было сохранить в себе человека и не потерять веру в лучшее (Попова 2015). Герои повестей Прилепина представляют тех, кто оказался на переднем плане социальных, нравственных и духовных перемен (Минералова 2017: 82).

Отражение всех этих аспектов кризиса в литературном произведении – сложная задача. Новый реализм предполагает освещение ключевого аспекта – внутренней реальности человеческой души (Кулаковская 2011: 472). Прилепин исследует, как эти проявления влияют на сознание и внутренний мир человека и что помогает личности сохранить главные ценности в жизни, избежав нравственной деградации.

Говоря о внутренней составляющей образов героев, стоит отметить, что психологизм в творчестве Захара Прилепина имеет свою специфику. Е. В. Новикова в статье «Формы и средства психологического изображения в литературе» пишет, что психологизм – способ изображения внутренней жизни человека в художественном произведении, который включает в себя воссоздание душевных процессов персонажа, его эмоциональной динамики, изменения внутреннего состояния и анализ характера главного героя (Новикова 2018: 285). По мнению Н.С. Лейтеса, сегодня психологизм рассматривается не только как способ

показать внутренний мир личности или духовные процессы, но и как значимый фактор, определяющий сюжет и структуру (Лейтес 1993: 54). А.Б. Есин же рассматривает психологизм несколько иначе: психологизм представляет собой уникальное художественное свойство, которое проявляется в исследовании и отображении литературными средствами внутреннего мира персонажа, отличающегося особым уровнем детализации и глубины ([Есин 2004: 313]).

Рассмотрим повести, обозначенные в заглавии статьи, и проследим, какие формы, приемы и средства психологического изображения использует автор, чтобы изобразить героев с максимальной детализацией их внутреннего мира, подчеркивая его сложность и противоречивость как отражение сложной и запутанной реальности 1980–1990-х годов.

В повести «Восьмёрка» **повествование ведется от первого лица**, что позволяет точно рассмотреть внутреннее состояние главного героя. **Прямая форма психологического изображения** включает в себя такие приемы, как внутренний монолог, сны, психологический самоанализ, достоверно показывающие, что происходит с героем в данный момент. Примечательно, что **прямая** форма сочетается здесь с **косвенной**, поскольку внимание уделяется внешним симптомам психологического состояния: портрету-сравнению, портрету-впечатлению, поведению героев. Товарищи Шорох, Грех и Лыков, о которых рассказывает главный герой, – типичные омовцы. Жилось героям тяжело, зарплату не платили, есть было нечего. Описывая каждого героя, автор уделяет внимание **портретной детализации**, преимущественно используя сравнения: «Лыков был чернявый, невысокий, *похожий на красивого татарина парень*, дрался всегда спокойно и сосредоточенно, с некоторым задумчивым интересом»; «Грех, напротив, дрался, *как чистят картошку в мужской компании*, – весело, с шуточками, если прилетало ему – стервенел...»; «Шорох славился беззлобностью характера, лицо у него было *как будто обмороженное, бомжа напоминал*» (Прилепин 2022: 30]. То есть в повести присутствуют такие разновидности портрета, как **портрет-сравнение** и **портрет-впечатление**, используемые в психологической функции.

Использование косвенной формы психологизма, тем не менее, «не мешает целостности и полноте полученного образа, а также высокой степени его достоверности. Обусловлено это возникновением ситуации «домысливания», предвосхищения невоспринимаемых в данный момент качеств воспринимаемого объекта. В этой ситуации важную роль играет участие в перцептивном акте наряду с мышлением воссоздающего воображения» (Култышева 2019: 52).

Примечательно, что прозвища, фамилии и имена героев являются в повести **говорящими**; так, например, Шорох получил такое прозвище, потому что он всегда появлялся неожиданно и двигался беззвучно, почти не слышно. Грех тоже обладает таким прозвищем неслучайно: он дрался так, что *«потом не помнил, как дело было»*. Лыков обладатель интересной по происхождению фамилии: образована от прозвища Лыко, которое восходит к слову «*лыко*» – *«молодая древесина, слой которой находится под корой дерева»*.

Оно относится к так называемым «профессиональным» именованиям, содержащим указание на деятельность человека. *«Хоть лыком шит, да барин»* – данную пословицу можно соотнести с семьей Лыкова, т.к. *«родители были, что называется, приличные – мать в шубке, отец в шляпе, интеллигенция»* (Прилепин 2022: 31). Изучение говорящих имен и фамилий является важной частью анализа художественных образов. Этот прием позволяет узнать о характере персонажа больше, чем его поступки и поведение.

Героям повести приходится противостоять банде так называемого местного криминального авторитета Буца, который не боялся ничего и хотел обладать всем самым лучшим. Прозвище героя тоже является говорящим, так как сразу ассоциируется со словом «удар». Среди так называемого «лучшего» была девушка Гланька, которая нравилась главному герою. Описывая Гланьку, автор использует **психологический портрет**, уделяя внимание глазам и зубам девушки: *«...глазастая, с улыбкой, в которой так очевиден женский рот, язык, и эти, боже ты мой, действительно влажные зубы»*, *«...стоит напротив меня, как мина с часовым механизмом»* (Прилепин 2022: 34). Используя сравнение, автор показывает, как интересны, заманчивы и одновременно невозможны, неправильны были взаимоотношения рассказчика и девушки. Она как будто играла эмоциями героя, зная, что Буц не даст ей быть с кем-то другим, кроме себя.

После встречи с Гланькой автор погружает героя в **сон с элементами полубреда**: *«Из полубреда, где всё ближе наплывал невыносимый, пахнувший кипящей карамелью Гланькин рот, меня вырвал звонок»* (Прилепин 2022: 37). Даже во сне эта девушка занимает мысли персонажа. **Сон** отражает мысли, эмоции, переживания, обусловленные периодом бодрствования.

Используя прием **психологического анализа**, автор описывает телефонные разговоры рассказчика и Гланьки, которые были редкостью; герои разговаривали второй раз в жизни; проникнутые эмоциональностью, они не могли наговориться, перебивали, разделяли интересы друг друга: *«Казалось, счастье подступило так близко, что можно задохнуться»* (Прилепин 2022: 45). Но серьёзные взаимоотношения молодых людей не складывались, несмотря на хаос эмоций. Это свидетельствует о том, что герои запутались в чувствах. Рассказчик тяжело переживает эту эмоциональную пропасть, и вновь мы можем наблюдать это в его **снах**: *«Я накрепко заснул, но ощущения были странные: дышать было холодно»*. Бессознательные и полубессознательные аспекты внутренней жизни отражаются как психологические состояния, которые связаны не с сюжетом и внешними событиями, а с внутренним миром персонажа (Муртазаева 2022: 763). После пробуждения герой задается **риторическим вопросом**: *«А зачем? Зачем всё это?»* (Прилепин 2022: 46).

Постепенно герой начинает осознавать, что он как будто теряет себя: *«На меня смотрело лицо с глазами, ничего не отражалось в моём отражении»* (Прилепин 2022: 47). Он осознаёт, что нужно что-то решать с Буцем, а Лыков, Шорох и Грех только и ждут момента, когда смогут доказать свое место в обществе, «подавив» местного авторитета. Лыков проявляет себя в борьбе за лидерство довольно активно; автор вновь использует

косвенную форму психологизма, чтобы показать, как Лыков ведет себя на пути к достижению цели. Он не видит никаких преград, превращается в совершенно другого человека: *«Лыков не успокоился. Приседая на колено, он хлѣстко бил упавшего и пытающегося встать Буца то в грудь, то в голову, то в живот»* (Прилепин 2022: 59). После драки героями овладевает истерический смех, что говорит об их усталом и опустошенном психологическом состоянии: *«Мы отъехали со стоянки и начали хохотать. Хохотали так, что Лыков остановил машину, выполз на неё и смеялся, упираясь обеими руками в капот»* (Прилепин 2022: 59). Главный герой, несмотря на конфликтные взаимоотношения с Буцем, с теплом относится к Гланьке, желает с ней встретиться, об этом нам говорит **внутренний монолог с элементами самоанализа**: *«Вот так и приходит погибель дуракам – пытался себя напугать... А я-то при чём тут?»* (Прилепин 2022: 60). В душе главного героя развиваются противоречия.

Дружба героев в итоге не выдерживает испытаний; Буца, которого все боялись, сбил на «восьмёрке» Лыков. Происходит разочарование героя в друзьях: *«Кто это? Твои друзья? С чего ты взял?»* (Прилепин: 2022: 100). **Психологический самоанализ** героя позволяет читателю сделать вывод, что испытания, которые ему пришлось пережить, оставили след в его душе и изменили ее. Он помнил смех друзей, их лица, но их пути разошлись: *«Пока вспоминаю это – сам тихо улыбаюсь, но как подумаю обо всем остальном – не смешно»* (Прилепин 2022: 104). Гланька тоже остается несчастлива. После всего, что произошло, главный герой видел её всего два раза: *«Вблизи стало видно, какая она пьяная. Ничего не видя, прошла мимо меня»* (Прилепин 2022: 104). Автор намеренно использует контраст при описании Гланьки, чтобы показать, что как ни старалась девушка найти свое место в этом мире, у нее ничего не вышло.

Заканчивается произведение **психологическим самоанализом**; герой убеждается, что он один в этом жестоком и несправедливом мире, акцентируя несколько раз внимание именно на этом числительном, что подтверждает его эмоциональную напряженность и опустошенность: *«Нет никаких друзей толком, даже матери нет – торчишь один, смешной, как вафельный стаканчик, даже еще смешней... Один!»* (Прилепин 2022: 106). Герой размышляет о произошедшем, проводит анализ, представляет: *«...а вот если бы случилось та-а-ак»* – и тут же прерывает свои мысли, лишая себя такой возможности: *«А зачем как-то ещё, если уже есть так, как оно есть»* (Прилепин 2022: 107). Автор неслучайно именно так заканчивает повесть, показывая читателю, что суровое общество не даёт герою полностью реализовываться, ему остаётся лишь оставить всё, как есть. Герой не потерял себя, но остался опустошённым морально.

Следующее произведение сборника, в котором изображенный мир обладает выраженным психологизмом, – **повесть «Допрос»**. По названию можно предположить, что герои повести снова попадают в неприятную ситуацию, которая будет испытывать их на прочность. В отличие от повести «Восьмёрка», здесь повествование ведется **от третьего лица**, автор сам расставляет акценты в психологическом состоянии героя, подробно

комментируя его душевные перемены (Кокорина 2019: 184). В произведении Захар Прилепин использует **косвенную форму психологического изображения** (она является доминирующей) и **прямую форму психологизма**, включая в повествование внутренние монологи с элементами самоанализа. Сочетание двух форм призвано показать, что у героев, которых можно отнести к героям «нового времени», сложный и нестандартный внутренний мир.

В центре повествования два персонажа: Новиков и Алексей, далее Лёха, Лёшка; обычные парни, дружили с детства. Примечательно, что автор наделяет одного героя только именем, а другого – только фамилией. Делает это автор неслучайно, сразу показывая, что один герой серьезнее другого в рассуждениях и действиях. Описывая одного из персонажей, автор прибегает к использованию **психологического портрета**: *«Лёша был улыбочивый, ласковый, немного безалаберный, очень незлобивый человек»*. Новиков не наделен портретными характеристиками, единственное, что автор выделяет в его характере – стабильность: *«У Новикова была постоянная подруга, через год они собирались пожениться»* (Прилепин 2022: 122). В образах героев видна **антитеза**, один – непостоянный, другой – надёжный, семейный. Новиков и Алексей оказываются в центре неприятных событий: их подозревают в убийстве с целью ограбления.

Положительный Новиков никак не мог в это поверить, а особенно в то, что их доставили в отделение. Он не понимал, что происходит, почему его жестоко бьют, заставляют признаваться в том, чего он не делал. Его эмоциональное состояние становится подавленным: *«Он ужасно хотел заплакать»*. Прибегая к **косвенной форме психологизма**, автор использует прием **психологического анализа**, чтобы показать, что сильный на первый взгляд герой может «сломаться» под давлением. Ожидая решения следователя, герой, сидя в коридоре, запутался в своих мыслях: *«Мысли перепутались, даже думать их до конца оказалось болезненно и противно»* (Прилепин 2022: 129). Новиков, как настоящий друг, переживал за Лёшку, которого никак не хотели отпускать, также били и допрашивали. После того, как Лёшку все-таки отпустили, герой испытывает облегчение. Описывая состояние Новикова, автор вновь использует **косвенную форму психологизма**, так как о психологическом состоянии героя мы узнаем по внешним симптомам: *«Ни щека не чувствовала слёзы, ни рука. Он просто видел, что плачет в свою ладонь»* (Прилепин 2022: 131). Эти внешние симптомы говорят о состоянии морально истощенного человека. Ему хотелось как можно скорее покинуть это злополучное место, в котором он оказался по ошибке. После тяжелого эмоционального потрясения он не знал, что думать, странные мысли одолевали его. Он задаёт себе **риторические вопросы**, не зная, как на них ответить: *«Может, он все-таки виноват? – спросил себя Новиков. Эту мысль он подумал тихо. И сам же себя застыдил»* (Прилепин 2022: 133). Риторические вопросы служат здесь показателем внутренней борьбы героя, когда на одной стороне – верность другу, на другой – смутные терзания.

У Новикова были напряжённые отношения с родителями, и ему не с кем было поделиться тем, что с ним случилось, а эмоциональное состояние требовало разгрузки; его возмущала такая несправедливость, ведь он не виноват, а его обвинили и избили. Об этом говорят **внутренние монологи с элементами самоанализа**: *«Это какой-то ужас. Надо кому-то рассказать. Это же нельзя. А если меня посадят?»* (Прилепин 2022: 134). Данный приём снова позволяет читателю увидеть, как у человека тяжело на душе. Единственная, с кем он мог обсудить произошедшее, была Ларка, его невеста. Получив поддержку девушки, герой испытывает облегчение: *«Ему стало так хорошо, что он едва не расплакался»* (Прилепин 2022: 153) (**психологический анализ**). Слезы в психологии – способ успокоиться, выплеснуть эмоции, чего как раз не хватало герою.

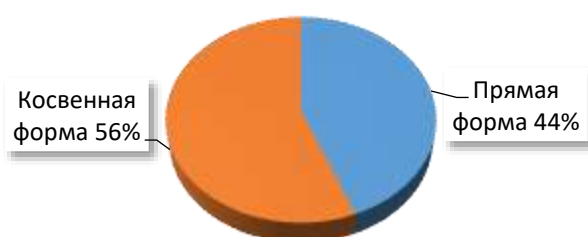
После случившегося Новиков беспокоился о друге: тот не выходил на связь, герой был в напряжении, он не знал, как в одиночку решить эту ситуацию. После того, как Лёшка объявился с каким-то планом, состояние Новикова вновь стало напряжённым, он не знал, чего можно ожидать от друга. Героем овладевает **смех**, свидетельствующий об избавлении от эмоциональной нагрузки, нервного напряжения: *«Новиков готов был захохотать – настолько легко стало оттого, что Лёшка бодро и уверенно говорит с ним»* (Прилепин 2022: 138) – это тоже проявление **косвенной формы психологизма**.

Ситуация разрешилась довольно быстро: провели проверку, и она не подтвердила вину задержанных. Описывая состояние Новикова в этот момент, автор использует **косвенную форму психологизма**, делая акцент на состоянии Новикова через внешние составляющие: *«Новиков с трудом сдерживался, чтоб не станцевать»* (Прилепин 2022: 145). По его поведению мы понимаем, что душа героя наполнилась радостью, танец от счастья – душевный порыв. Тем не менее, он не мог успокоиться и хотел добиться справедливости, тот допрос не давал ему покоя. Никто его не понимал, он чувствовал себя чужим: *«Уже второй день Новиков не мог признаться себе: он боялся остаться один. Унижение, которое пережил Новиков, – было невыносимым»* (Прилепин 2022: 168) (**психологический анализ**). Числительное «один» неоднократно употребляется при описании Новикова, что еще раз подтверждает мысль, что автор делает акцент на его одиночестве неслучайно: он хочет показать мироощущение героя «нового времени». Во **внутренних монологах** Новиков рассуждает о своей семье, он как будто разочарован в ней, таит на всех членов семьи обиду: *«Мать жалкая и слабая дура, отец неудачник и особый тип неврастеника, сестра моя – плоть от плоти своих родителей»* (Прилепин 2022: 168). Перечисленные общеязыковые эпитеты довольно точно демонстрируют отстраненность Новикова и, в какой-то мере, неприязнь к родным. Рассказывая о взаимоотношениях матери и сына, автор вводит в повествование такой специфический приём психологического изображения, как имитация интимных документов, а именно **письмо**, в котором мать признается сыну в том, что они любят его: *«Помни, что у тебя есть мама, которая желает тебе только добра»* (Прилепин 2022: 196). Реакция на письмо была у Новикова следующая: он со злостью порвал это письмо и еще больше почувствовал одиночество. В любви он нуждался в детстве, а сейчас он

чувствовал обиду на родителей, между ними образовалась пропасть. Роль данного специфического приема состоит в том, что читателю становится ясно: эмоциональное состояние героя нестабильно, он не желает принимать ничью любовь, не может разобраться в себе.

С другом Лёхой в итоге Новиков тоже теряет связь, он в нем разочаровывается, считает, что тот его бросил, об этом говорят **внутренние монологи героя с элементами самоанализа**, подтверждающие разочарование и негодование героя: *«Я видел его... верней сказать, слышал – в слабости... а он меня вроде бы и нет... такое сложно простить»* (Прилепин 2022: 199). Заканчивается произведение также мыслью о том, что Новиков разочарован в обществе в целом. Несмотря на сложные и запутанные взаимоотношения с семьей, в конце произведения мы видим потепление между Новиковым и его родителями, неслучайно герой за долгое время называет отца *«папа»*, т.е. наблюдается эмоциональная градация. Несмотря ни на что, Новиков остается ранимым человеком, которому тяжело принять окружающую действительность.

Таким образом, проанализировав повести Захара Прилепина «Восьмёрка» и «Допрос», мы можем сделать вывод, что автор обращается в них к одним и тем же формам и приемам психологического изображения. На Диаграмме 1 представлено процентное соотношение форм психологического изображения, используемых в произведениях.

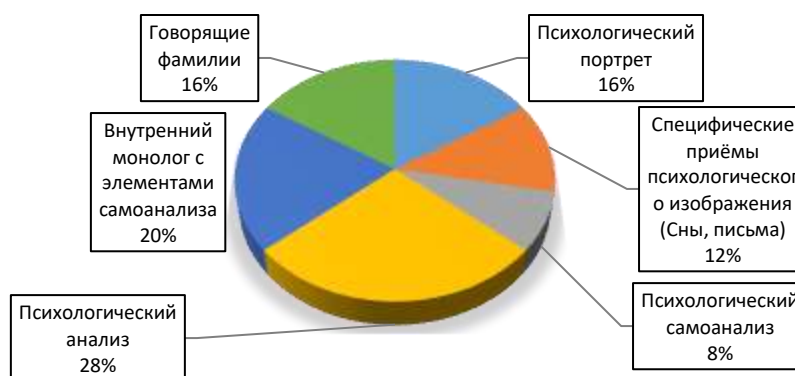

**Диаграмма 1. Формы психологического изображения
в повестях Захара Прилепина «Восьмёрка» и «Допрос»**

Итак, что касается форм психологизма, то прямая и косвенная формы используются в повестях примерно в равном соотношении с небольшим преобладанием последней: прямая форма – 44 %; косвенная форма – 56%.

Если говорить о средствах и приемах психологического изображения, можно заключить, что при помощи психологического анализа (28%), который используется Прилепиным чаще всего, автор показывает героев со стороны, что они хотят любить, дружить, быть счастливыми, но, к сожалению, счастья не обретают. Внутренний монолог с элементами самоанализа (20%) дополняет эмоциональную составляющую, показывая, что героев одолевают мысли о том, правильно ли они поступают, и можно ли было поступить иначе. Автор использует психологический портрет (16%) с целью описать состояние, в котором пребывают герои в данный момент. Можно констатировать наличие «говорящих

семейств» (16%), что довольно характерно для реализма в целом и для нового реализма в частности. Сны, бредовые видения, письма (12%) играют немаловажную роль в раскрытии внутренних переживаний героев: во сне персонаж пытается уйти от проблем, но у него это не получается; в письмах пытается найти ответы на свои вопросы, разобраться в семейных проблемах. Психологический самоанализ (8%) также помогает читателю понять образ героев, их душу. Они пытаются переосмыслить то, что с ними происходит, и приходят к выводу, что одиноки (см. Диаграмму 2).

**Диаграмма 2. Приёмы и средства психологического изображения
в повестях Захара Прилепина «Восьмёрка» и «Допрос»**

ЛИТЕРАТУРА

Есин А.Б. Психологизм // Введение в литературоведение. Москва, 2004. С. 313-328.

Кокорина А.И. Понятие «психологизм» в современном литературоведении // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Материалы Региональной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей. Нижневартковск: Изд-во Нижневартковского государственного университета, 2019. С. 183-185.

Кулаковская Е.И. Новый реализм: специфика и основные черты // Культура и текст. 2011. № 12. С. 472-474.

Култышева О.М. Психологический механизм восприятия в литературе и искусстве // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, проведенной в рамках Международного форума «Образ России в глобальном образовательном пространстве: язык, история, культура» (Екатеринбург, 23-26.05.2019) / гл. ред. С.А. Еремина; ФГБОУ ВО «Урал.гос.пед.ун-т». Екатеринбург, 2019. С. 49-53.

Лейтес Н.С. Конечное и бесконечное. Размышление о литературе XX века: мировидение и поэтика. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. 120 с.

Минералова И.Г. Захар Прилепин: стиль художника и национальный мир // Национальный стиль русской литературной классики: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Москва: Издат-во «Литера», 2017. С. 82-89.

Муртазаева Ф.Р. Понятие психологизма в литературе. Приемы и способы психологического изображения // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXIII Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва: Издат-во Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. С. 762-765.

Новикова Е.В. Формы и средства психологического изображения в литературе // Актуальные проблемы гуманитарных наук: материалы научно-методического семинара, Нижевартовск: Издат-во Нижевартовского государственного университета, 2018. С. 285-289.

Петров И.В. «Пацанство» как прием (к вопросу о герое современной прозы) // Литература как форма социальной и индивидуальной рефлексии: Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции словесников, Екатеринбург: Издат-во Уральского государственного педагогического университета, 2016. С. 44-47.

Попова И.М. Повесть Захара Прилепина «Восьмерка» в экранизации Алексея Учителя. Сюжетное варьирование или сверхтекстовое единство? // Социально-экономические явления и процессы. 2015. №10. С. 226-232.

Прилепин Захар. Восьмёрка. Москва: Издат-во АСТ, 2022. 304 с.

Ротай Е.М. «Новый реализм» в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2013. 175 с.

Рылова К.Ю. Проза Захара Прилепина как социокультурный феномен: проблематика, поиск героя, поэтика: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2018. 185 с.

Спешилова В.П., Култышева О.М. Типология героев русской литературы XIX века // Нижевартовский филологический вестник. 2020. Т. 5, №1. С. 33-38.

Янковская Л.С. Романная проза Захара Прилепина как «самоучитель психологических ситуаций» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика, 2018. Т. 18, в. 2. С. 210–214.

© Спешилова В.П., 2024